

MUSICUS

ВЕСТНИК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
ИМЕНИ Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Подписной индекс в каталоге Почты России П6982

№ 1 (69) • январь • февраль • март • 2022

Учредитель и издатель:

Санкт-Петербургская
государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-30963

Главный редактор

Марина Владимировна МИХЕЕВА

Редакционный совет

Наталья Александровна БРАГИНСКАЯ
Андрей Владимирович ДЕНИСОВ
Ирина Степановна ПОПОВА

Отдел распространения, разработка логотипа, редактор

Л. П. МАХОВА

Дизайн и верстка

Ю. Л. НОГАРЕВА

Фотограф

В. Ю. КОНОВАЛОВ

Адрес редакции

190068, Санкт-Петербург, ул. Глинки, 2, литер А.
Тел.: +7 (812) 644-99-88
E-mail: edition@conservatory.ru
<http://www.conservatory.ru>

Подписано в печать 30.03.2022 г.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага кн.-журн. Печать
офсетная. Зак. № 79

Оригинал-макет, электронная верстка выполнены
в Санкт-Петербургской государственной
консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова.

Отпечатано в ИП Копыльцов П. И. 394052,
Воронежская область, город Воронеж, улица
Маршала Неделина, д. 27, кв. 56. Тираж 120 экз.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
Мнение редакции не всегда совпадает
с мнением авторов материалов. За публикацию
предоставленных в редакцию материалов го-
норары не выплачиваются.

Материалы, опубликованные в настоящем жур-
нале, не могут быть полностью или частично
воспроизведены, тиражированы и распростра-
нены без письменного разрешения редакции.

Содержание

Alma mater

А. Р у б е ц. Воспоминания о первых годах Петербургской консерватории.
Подготовили А. Б. Павлов-Арбенин, М. В. Рудко 3

Studia

И. Р а й с к и н. Шостакович: текст, подтекст, сверхтекст 11

Научные конференции

М. С е р е б р е н н и к о в. «Нельзя не любить сольфеджио...» 17

Теория и практика

П. Л а у л. Некоторые проблемы исполнения Концерта для фортепиано
с оркестром А. Н. Скрябина 30

Фестивали, концерты

А. Б о л д ы р е в. 150 лет со Скрябиным. *Беседовала М. Михеева* 38

Е. П е т р о в. «Монастыри Русского Севера» — древность
в современности. *Беседовала А. Кириллова* 40

In memoriam

Г. К и с е л ь е в а, М. Л ю д ь к о. «Золотой голос России» 45

М. М и х е е в а. Памяти Бориса Ильича Васильева 50

Наши авторы 52

MUSICUS

QUARTERLY
OF THE SAINT PETERSBURG
RIMSKY-KORSAKOV
STATE CONSERVATORY

Subscription index in the *Russian Post's* catalog: П6982

№ 1 (69) • January • February • March • 2022

Founder/publisher:

Saint Petersburg Rimsky-Korsakov
State Conservatory

The magazine is registered by the Federal Service
on Supervision in the Sphere of Mass Media,
Communication and Cultural Heritage Protection.
Registration certifiat of mass information
medium ПИ № ФС77-30963

Editor-in-Chief

Marina MIKHEEVA

Editorial Council

Natalia BRAGINSKAYA
Andrey DENISOV
Irina POPOVA

Distribution Department, development Logo, editor

L. MAKHOVA

Design and imposition

Y. NOGAREVA

Photographer

V. KONOVALOV

Editorial Board address:

2 liter A Glinki St., St. Petersburg 190068, Russia
Tel.: +7 (812) 644-99-88
E-mail: edition@conservatory.ru
<http://www.conservatory.ru>

Signed to print 30.03.2022

Size (format): 60×84 1/8. Book/magazine paper.
Offset print.

Print model and electronic imposition
accomplished at the Saint Petersburg
Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Printed in the Freelance Park LLC, 5th V. O. line,
house 70, letter A, room 52N, St. Petersburg,
199178, Russia.

Circulation: 120 copies.

*Articles submitted to the magazine undergo peer
reviewing. The Editorial Board's opinion may not
coincide with the author's. No royalties are paid
for publication of the materials.*

*Materials published in this magazine may not be
reproduced, circulated or distributed, completely or
partially, without Editorial Board's permission given
in written form.*

Contents

Alma mater

- A. R u b e t s. Memories of the first years of the St. Petersburg Conservatory.
Prepared by A. Pavlov-Arbenin and M. Rudko 3

Studia

- I. R a i s k i n. Shostakovich: text, implication, supertext 11

Research conferences

- M. S e r e b r e n n i k o v. "One can's but love solfège..." 17

Theory and Practice

- P. L a u l. Alexander Scriabin. Concerto for piano and orchestra.
Some performance's problems 30

Festivals, concerts

- A. B o l d y r e v. 150 years with Scriabin. *An interview by M. Mikheeva* 38
E. P e t r o v. "Monasteries of the Russian North" — antiquity in modernity.
An interview by A. Kirillova 40

In memoriam

- G. K i s e l e v a, M. L y u d k o. "Golden voice of Russia" 45
M. M i k h e e v a. In memory of Boris Il'ich Vasilyev 50

- Our authors 52

Alexander RUBETS Memories of the first years of the St. Petersburg Conservatory

The article represents the first modern publication of the memoirs of the graduate and professor of the St. Petersburg Conservatory Alexander Ivanovich Rubets (1837–1913). Previously, his memoirs were published only in 1912, in ten issues of the St. Petersburg newspaper «New time» [*Novoye Vremya*]. The memoirs cover the first ten years of the conservatory's existence; they are written in a lively, vivid language and contain valuable details regarding the conservatory life, professional and personality portraits of outstanding professors and directors of the oldest musical university of Russia.

Keywords: Alexander I. Rubets, the Saint Petersburg Conservatory, Anton G. Rubinstain, Nikolay I. Zarembo, H. Wieniawski, T. Leschetizky, H. Nissen-Saloman, Peter I. Tchaikovsky.

Александр РУБЕЦ Воспоминания о первых годах Петербургской консерватории

Статья представляет первую современную публикацию воспоминаний выпускника и профессора Санкт-Петербургской консерватории Александра Ивановича Рубца (1837–1913). Ранее его мемуары печатались только в 1912 году, в десяти выпусках петербургской газеты «Новое время». Воспоминания, охватывающие первые десять лет существования консерватории, написаны живым, ярким языком и содержат ценные детали, касающиеся уклада консерваторской жизни, профессиональных и личностных портретов выдающихся профессоров и директоров старейшего музыкального вуза России.

Ключевые слова: А. И. Рубец, Санкт-Петербургская консерватория, А. Г. Рубинштейн, Н. И. Заремба, Г. Венявский, Т. Лешетицкий, Г. Ниссен-Саломан, П. И. Чайковский.

В 2022 году Санкт-Петербургская консерватория отмечает свое 160-летие. К этой памятной дате приурочен выход настоящей статьи, представляющей собой первую современную публикацию редкого исторического документа — воспоминаний Александра Ивановича Рубца об открытии консерватории и начальном этапе ее существования. Закономерно, что более ранняя (и единственная) печатная версия этих мемуаров была посвящена 50-летию юбилею консерватории: в 1912 году материалы «Воспоминаний...» последовательно выходили в десяти номерах петербургской газеты «Новое время» [1] по инициативе видного музыкального критика Михаила Михайловича Иванова (1849–1927), заведовавшего тогда музыкальным отделом издания; вероятно, ему же публикация обязана и своим названием.

Особая ценность мемуаров Рубца в том, что они, подобно знаменитым воспоминаниям В. В. Ястребцева о Н. А. Римском-Корсакове [3, 4], судя по всему, тоже базируются на дневниковых записях автора и, как следствие, наделены чертами достоверности, присущей документальной хронике. А. И. Рубец (1837–1913) — один из первых выпускников консерватории, а затем, на протяжении 29 лет, ее профессор — вошел в историю отечественной культуры рубежа XIX–XX веков как выдающийся музыковед-теоретик, педагог,

фольклорист, композитор, хоровой дирижер, музыкально-общественный деятель. Он родился в городе Чугуев Харьковской губернии¹, учился в гимназиях Харькова (1850–1853) и Киева (1853–1858). В 1861 году окончил Нежинский лицей с правом на чин IV класса и поступил на службу в Черниговскую уголовную палату помощником судебного следователя, где проработал около года, спешно уехав в Петербург в 1862 году, как только стало известно об открытии А. Г. Рубинштейном первой в России консерватории.

А. И. Рубец поступил в консерваторию в класс сольного пения Л. Пиччиоли, но проучившись год как вокалист, перевелся в класс специальной теории композиции Н. И. Зарембы. После окончания консерватории с дебютным выпуском А. И. Рубец остался в ней работать, пройдя путь от преподавателя до профессора 2-й степени, застав времена директорства А. Г. Рубинштейна (1862–1867; 1887–1891), Н. И. Зарембы (1867–1871), М. П. Азанчевского (1871–1876), К. Ю. Давыдова (1876–1887) и Ю. И. Иогансена (1891–1897). В 1895 году А. И. Рубец вынужден был уйти в отставку из-за слепоты, наступившей после перенесенной операции. Последние 18 лет жизни он провел в г. Стародуб Черниговской губернии².

Консерваторская педагогическая карьера А. И. Рубца была необычайно насыщенной. Он вел классы элементарной теории музыки, сольфеджио, гармонии, сольного пения, хора, помогал Н. А. Римскому-Корсакову в налаживании работы оркестрового класса. Педагогическая деятельность Рубца сопровождалась выходом большого количества его учебно-методических пособий, среди которых «Одноголосное сольфеджио», «Новое сольфеджио», «Музыкальная азбука», «Метода преподавания первоначальных музыкальных сведений и сольфеджио», «Первоначальные прогрессивные упражнения для постановки и развития голоса: для баритона, альты, тенора и сопрано», «Упражнения для многих голосов», а также сборники русских, малороссийских и других народных песен. Отдельный интерес представляет литературное наследие Александра Ивановича, состоящее из ряда научно-критических, культурно-просветительских и автобиографических трудов³.

Из вступительной статьи, предварявшей публикацию «Воспоминаний...» в 1912 году, становится ясно, что А. И. Рубец десятилетиями вел своеобразную летопись консерваторской жизни; поэтому с горечью сетовал М. М. Иванов на недоступность, а, возможно, и утрату множества тетрадей драгоценных «Записок» музыканта (см.: [2]). Сохранившиеся фрагменты, вошедшие в «Воспоминания...», охватывают период с 1862 по 1871 годы, освещая события, происходившие в консерватории, в Русском музыкальном обществе, в музыкальной жизни Петербурга в целом. Здесь ярко и живо описываются впечатления молодого человека, только что приехавшего из провинции в столицу и ставшего товарищем Чайковского и других музыкантов, принадлежавших к первому в истории консерватории выпуску. Мемуары А. И. Рубца изобилуют незаурядными наблюдениями и деталями, которые дают возможность почувствовать атмосферу времени и увидеть ключевые фигуры петербургского музыкального мира, по-особому высветленные с профессиональной и человеческой сторон. Перед глазами читателя проходит череда впечатляющих образов: А. Г. Рубинштейн, Н. И. Заремба, Г. Венявский, Т. Лешетицкий, Г. Ниссен-Саломан, В. А. Кологривов, П. И. Чайковский, Г. А. Ларош...

Нынешняя публикация «Воспоминаний...» А. И. Рубца стала возможной благодаря самоотверженным усилиям Андрея Борисовича Павлова-Арбенина: несколько лет назад, будучи сотрудником исследовательской группы Санкт-Петербургской консерватории, Андрей Борисович обнаружил этот источник в Газетном фонде Российской национальной библиотеки, скопировал на собственные средства внушительные по объему материалы и передал их в консерваторию.

В настоящей публикации текст снабжен краткими комментариями; печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации.

¹ Примечательно, что там же, в Чугуеве, в 1844 году родился И. Е. Репин, с которым А. И. Рубца связывала многолетняя дружба, окрепшая после переезда обоих в Петербург. Обладавший колоритной внешностью музыкант позировал другу-художнику при создании некоторых его полотен (запорожец с трубкой в центре одного из эскизов картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», Тарас Бульба в окончательной версии этой знаменитой работы Репина).

² В Стародубе А. И. Рубец, несмотря на тяжелый недуг, продолжал активно работать: писал музыку, издал «Предания, легенды и сказания стародубской седой старины» (1911), открыл музыкальную и художественную школы, а также курсы кройки и шитья, готовил и отправлял в Петербургскую консерваторию музыкально одаренных юношей и девушек.

³ Полный список трудов А. И. Рубца и более подробные биографические сведения о нем см.: [5].

I

29 августа 1862 года утром я приехал из Москвы в Петербург. Я видел много наших городов — Харьков, Киев и другие. Тем не менее, Петербург произвел на меня глубокое впечатление, в особенности Невский, его торцовая мостовая, широкие панели. Такой по длине улицы я еще не видел, и чудесная перспектива Адмиралтейства с его шпилем, освещенным ярким солнцем, поразила меня. Многоэтажные здания, церковь Знамения, Аничков мост с его конными группами, Казанский собор с его оригинальной архитектурой, напоминающей собор св. Петра в Риме, быстрая езда, мелькающие направо и налево интересные предметы сократили путь до Большой Морской, где я должен был остановиться. Меня удивила суета и торопливость едущих и идущих взад и вперед людей.

Я приехал поступить в консерваторию, бросив службу и все преимущества по воспитанию, сжег свои корабли и устремился в неизвестное. Имея голос и музыкальные способности, я с жаром и трепетом устремился в столицу. На другой день после приезда я направился в консерваторию, которая тогда помещалась в Демидовом переулке⁴. Извозчик остановился у подъезда маленького одноэтажного здания с зеркальными окнами. Меня встретил швейцар Антон Царёв с рябоватым лицом, рыжими усами и бакенбардами, из отставных солдат. Он был, как я впоследствии убедился, великим комиком, воображал себя музыкантом и гордился своим местом в консерватории. Когда ученики в раздевальной вели разговоры о концерте или о каком музыкальном сочинении, Царёв непременно подходил к собравшимся и глубокомысленно слушал, причем всегда замечал: «Мы можем очень хорошо понимать и чувствовать, ибо сами артисты на гармонии», — что вызывало общий хохот молодежи. Царев не обижался и, улыбаясь, уходил к двери.

Направо от входа в швейцарскую дверь вела в контору. Я подал прошение и узнал, что приемные экзамены будут 1–3 сентября. На следующий день я явился на экзамены, хотя и чужие. Из швейцарской я поднялся наверх. Пройдя маленькую комнатку, в виде приемной, я увидел сидящего там А. И. Фицтума, бывшего инспектора студентов Петербургского университета. Это был уже пожилой человек, с очками на кончике длинного носа, с продолговатым, всегда красным лицом, с хриплым голосом, со взглядом, смотрящим поверх очков, с Владимиром на шее, никогда не снимавшимся. Он издавна был большим любителем музыки; у него каждую неделю собирались выдающиеся музыканты, играли квинтеты, квартеты и трио. Я вошел в залу довольно большого размера, очень светлую, выходящую на Мойку и Демидов переулок. Возле стены сидело множество пианисток, преобладавших над мужчинами, которых было не более 12. Посредине залы стояли два рояля.

Ровно в 10 ч. вошел Рубинштейн. У него были длинные вьющиеся волосы, некрасивое, но в высшей степени симпатичное и типичное лицо. За ним следовал низенький, плотный, широкоплечий, уже пожилой, в парике, А. Герке, пользовавшийся славой в Петербурге отличного пианиста и опытного преподавателя. Рядом с ним шел А. Дрейшок, среднего роста, виртуоз с европейским именем. Он был с голубыми глазами, бледнолицый и с большими усами; на вид ему было 30–35 лет. Его отличительной от других пианистов чертой была сила левой руки, не уступающей правой. Никаких трудностей для него не существовало. Немного позже горделивой поступью вошел, оглядывая зал, Ф. О. Лешетицкий. Он был известен в Петербурге как прекрасный пианист, в особенности как исполнитель Шопена.

Рубинштейн стал у рояля, остальные сели у стола. Из поданного Фицтумом списка Рубинштейн стал вызывать сначала женщин, потом мужчин. Вызванных Рубинштейн прежде всего заставлял играть гаммы. При этом замечалась странная вещь: если он останавливал даже хорошо играющих и спрашивал о тональности пьесы или данного места, то большинство ничего не могло ответить. Из экзаменовавшихся выделились: девочка Терминская, Панченко, Лонгинова, Платонова; из мужчин — Орлов. После пианистов настал черед скрипачей и виолончелистов. Между ними расхаживал с видимым волнением конвойный грузин. Опять вошел Рубинштейн, а за ним высокий и стройный Венявский с большими умными глазами и с открытым лицом. Начали с малолетних. Из них выделились Краснокутский и Воронов. Затем вызвали Абаева, конвойного офицера. На вопрос, где его скрипка он ответил:

— У меня нэт скрипка.

— Как же вы будете играть?

— Тут много скрыпок на фортепьян лежат.

Венявский взял одну из них и, подавая ее Абаеву, сказал:

— Играйте.

На это тот ответил:

— Нэт, ты сыграй, а потом я повторю, что ты сыграешь.

Венявский сыграл довольно сложный пассаж, который Абаев сейчас же безукоризненно повторил. Венявский сыграл более трудный и сложный пассаж; Абаев повторил довольно чисто и это. На вопрос, знает ли он ноты, Абаев ответил:

— Ноты? — нэт, не знаю, но слух имею хороший.

Из взрослых на экзамене выдались Пушилов и Баранецкий; из виолончелистов — Конев и Соколов.

На экзамене пения я увидел множество барышень различных возрастов, типов и национальностей. Они, перезнакомившись между собой, тараторили и щебетали ужасно. Слышались возгласы: «душечка, помолись за меня!» В другом месте: «ах, как я боюсь, я умираю». В 10 часов явилась вся в черном еврейского типа

⁴ Нынешний переулок Гривцова.

женщина средних лет. Когда она прошла в соседнюю комнату, оттуда послышались шумные приветствия: «Слава Богу, вы, наконец, пришли, можно начинать экзамен». — «Но, Рубинштейн, всего 10 минут одиннадцатого». — «Вы опоздали на 10 минут», — ответил Рубинштейн. С этими словами они вошли в залу. Дама была Г. Ниссен-Саломан, бывшая певица, пользующаяся известностью в Европе. Г-жа Ниссен подошла к роялю, сняла перчатки и каждую вызванную на пробу певицу осматривала прежде всего с головы до ног. Затем говорила (по-французски): «Откройте рот, держитесь прямо, давайте звук яснее, не усиливайте голоса».

Почти все оказались с маленькими, некрасивыми голосами. Пели романсы, песни, которых им не давал кончить А. Г., махая руками и говоря: «довольно». Из всех многочисленных экзаменуемых выделялись только голоса Кирьяковой, Лури, Соловьевой. После экзамена Ниссен подошла к столу и, пожимая плечами, произнесла: «Очень мало голосов; я надеялась найти их больше». На это Рубинштейн ответил, что голоса будут, что Россия обильна красивыми голосами и что об открытии консерватории мало еще кому известно.

В понедельник, 4-го, был назначен конкурс на стипендию Музыкального общества. Рубинштейн вызывал кандидатов по времени поступления их прошений — и какие тут были певцы! Были такие, которые пели без размера, «по душе», как говорили; были такие, которые пели вещи слишком для них высокие и потому срывались. Все почти пели сдавленным горлом. Пришла и моя очередь. «Где ваши ноты?», — спросил Рубинштейн. Я ответил, что у меня их нет. «Так каким же образом я буду вам аккомпанировать?» — «Я сам себе аккомпанирую». Я сделал маленькую прелюдию и начал петь романс Гурилёва. После него Рубинштейн заставил меня спеть еще что-нибудь. Я спел «Сомнение» Глинки. Лицо его оживилось. «Спойте что-нибудь», — сказал он, — «чтобы показать ваши высокие ноты». Я спел арию из «Марты»⁵. После каденции чувствую, что меня обнимают сзади и шепчут на ухо: «Приняты на счет Общества», то есть освобождены от платы. Это был Кологривов⁶. Рубинштейн положил мне руки на плечи: «Ну, слава Богу, хоть у одного большой голос».

Из других кандидатов лучшими оказались Линдблат (остзейский немец), певший Шумана и Шуберта, тенор Успенский, по профессии медик, и баритон Старцев.

После экзамена Рубинштейн объявил, что консерватория открывается 8 сентября, в 1 ч. дня, в день рождения наследника Цесаревича Николая Александровича. Я возвратился домой с облегченным сердцем, думая о том, к кому из преподавателей попаду. День открытия начался молебном, спетым прекрасно хором Исаакиевского собора. Затем Рубинштейн обратился к присутствовавшим со следующими словами: «Господа, Россия

обладает различными талантливыми людьми. Кто имеет талант к рисованию или лепке или архитектуре, поступает в Академию Художеств. Кто имеет способности к наукам и ученым занятиям, поступает в университет, лицей, школу правоведения, горный институт. Кто имеет способности к музыке, пению или к какому инструменту, или к композиции, не находил раньше в России такого музыкального учебного заведения, где бы его способности могли развиваться под руководством опытных известных профессоров. Он должен был ехать за границу, что обходилось очень дорого, или брать уроки за большую цену у известных виртуозов, а теорию музыки и композицию должен был проходить по иностранным руководствам. В настоящее время консерватория открыта, и я надеюсь, что всякий, поступивший в нее, получит то, что вправе от нее требовать, то есть развитие своих способностей и знаний. Она не может дать ученикам способностей, а может только развивать их».

Его речь произвела впечатление и была покрыта аплодисментами. В заключение он добавил: «Завтра все должны быть на местах; прошу не манкировать и не пропускать уроков. Консерватория вправе требовать от своих учеников прилежания, усердия, исполнения своих обязанностей, а также правил, предписанных ею».

На следующий день ровно в 9 часов я был в консерватории. Никого кроме меня не было, но швейцар сказал, что Рубинштейн и Фицтум уже с четверть часа как пришли. Моим профессором пения был назначен Пиччиоли. Я вошел в зал, где большими шагами ходил Рубинштейн, видимо недовольный отсутствием профессоров и учеников. Я обратился к нему с вопросом о Пиччиоли и о других преподавателях пения. Он ответил, что Пиччиоли живет уже несколько лет в Петербурге, пользуясь известностью хорошего педагога, и имеет много учеников. Другие преподаватели были Каталано и Гаммиери. «Первый носит громкое имя, но как преподаватель мне не известен, так как недавно приехал из Италии. Гаммиери — молодой человек, учившийся в Неаполе, просил меня взять его на пробу, обещаясь заявить себя с самой лучшей стороны. «Вообще хороших учителей пения найти трудно. Такие, как Виардо, Гарсия и Ламперти — редки. Но я уверен, Рубец, что человек музыкальный и желающий обработать свой голос, сделается хорошим певцом и при обыкновенных, не пользующихся европейской известностью, но знающих свое дело людях».

Так скромно открылась петербургская консерватория. Непосредственный повод к ее началу дали те обстоятельства, о которых я сейчас расскажу.

В 50-х годах многие любители музыки в Петербурге желали возникновения большого концертного общества

⁵ «Марта, или Ричмондская ярмарка» — опера Ф. Флотова (1847, либр. Ф. Фридриха).

⁶ Василий Алексеевич Кологривов (1827–1874) — один из учредителей РМО.

наподобие прежнего симфонического. У Д. В. Каншина⁷ собиралось много любителей, обсуждая как это осуществить. А. Н. Серов в кругу своих знакомых и товарищей по Правоведению предлагал открыть Хорошее общество, основываясь на том, что русский народ любит пение и обладает хорошими голосами. Пока другие судили и рядили, Кологривов, Рубинштейн и Д. Каншин составили проект устава Русского музыкального общества, который представили на утверждение. Великая княгиня Елена Павловна, у которой Рубинштейн был придворным пианистом и жил в ее дворце, узнав о проекте, отнеслась к нему с живейшим сочувствием и согласилась быть покровительницей нового общества. С 1859 года последнее начало свою деятельность. Средства его состояли из ежегодных пожертвований: великой княгини Елены Павловны (1 000 рублей), графа М. Виельгорского (1 000 рублей), студента Бенардаки (1 000 рублей), А. Утина (1 000 рублей), государя императора Александра II (500 рублей), государыни императрицы (150 рублей), великого князя Константина Николаевича (100 рублей), великой княгини Екатерины Михайловны (100 рублей), герцога Мекленбургского (100 рублей) и ряда лиц, вносивших тоже по 100 рублей.

В сентябре вышло объявление о 10 концертах общества в зале Благородного собрания с платой 15 рублей за сезон. Оркестр из 60 человек под управлением Рубинштейна состоял из артистов Русской оперы. Первый концерт был 23 ноября 1859 года. Эти концерты всегда давались по субботам, так как оркестр оперы в другое время был занят. Публика отнеслась к ним сочувственно: зал собрания был полон. Солистами были Лешетицкий, Герке, Рубинштейн, Дрейшок, Фридберг-Лешетицкая, Ниссен-Саломан, Вьетан, Шуберт. Так счастливо начавшееся Русское музыкальное общество задумало открыть музыкальные классы по некоторым предметам. Они помещались в Михайловском дворце (начавшись зимой 1861 года). Объявление о них привлекло много способных людей, между которыми выдавались Чайковский и Кросс⁸. Успех классов убедил Кологривова и Рубинштейна, что основание консерватории может стать потребностью для людей, желающих получить высшее музыкальное образование.

II

Открытие консерватории создало ей много врагов и антагонистов. Из них главными были знаменитый А. Гензельт⁹ и принц Петр Георгиевич Ольденбургский, имевший давно намерение открыть высшее музыкальное училище для подготовки хороших преподавателей

и преподавательниц в женские институты, именно под руководством А. Гензельта. Врагом был также и А. Н. Серов, умный, начитанный, знающий музыкант. Он считал себя оскорбленным Русским музыкальным обществом, не избравшим его в число директоров и руководителей, видя в этом пренебрежение к себе. Владея хорошо пером, он ловко пользовался им всякий раз, когда встречались недостатки при исполнении оркестровых пьес в концертах нового общества. Третьим антагонистом были «С.-Петербургские ведомости», в лице их музыкального фельетониста***, — псевдоним Ц. А. Кюи. Впоследствии прибавился В. В. Стасов. Мелкие укоры, постоянная травля со стороны противников не уменьшала энергии Рубинштейна и его товарищей, а еще больше усиливала ее для ведения дела как в концертах, так и в консерватории.

В концертах Рубинштейн, между прочим, популяризировал Шумана, о котором в то время не имели понятия в России, сделал его любимым автором всех играющих на фортепиано петербуржцев. То же сделал он относительно 9-й симфонии Бетховена, которая в то время даже в Германии редко исполнялась. Рубинштейн был твердо убежден в пользе, которую принесет России консерватория. Своими неусыпными трудами и примером он воодушевлял своих товарищей. Кроме общего надзора за консерваторией он имел свой класс фортепиано, хотя некоторые сомневались, — вероятно, из зависти, — в его педагогических способностях. Я бывал на его уроках и сам испытал подъем духа и восторженность, которые невольно передавались ученикам в его классе. Его игра при исполнении пьесы того или другого автора рельефно показывала промахи и погрешности учеников. Учащиеся все его боготворили. Класс его помещался налево при входе в зал, в квадратной комнате, в которой он давал уроки по понедельникам и четвергам. В той же комнате по вторникам и пятницам был класс Герке, а по средам и субботам она предоставлялась для упражнения учениц. В общении с учащимися Рубинштейн был замечательно прост и доступен. В свободное от занятий время он всегда находился в большом зале и тут всякий мог обращаться к нему со своими нуждами.

В консерваторию он приходил первым и уходил последним. Так поступал он всегда и так же делал, когда вторично был директором консерватории. В этом отношении его можно сравнить с капитаном корабля, ни на минуту не покидающим вверенного ему судна. Он всегда говорил, что человек, взявшийся за какое-нибудь дело, должен добросовестно его вести. От учащихся требовал строгого выполнения их обязанностей, не любил манкирующих, не верил в причины

⁷ Дмитрий Васильевич Каншин (1828(?)–1904) — российский общественный деятель.

⁸ Густав Густавович Кросс (1831–1885) — однокурсник А. И. Рубца и П. И. Чайковского, пианист, воспитанник А. Г. Рубинштейна.

⁹ Адольф фон Гензельт (1814–1889) — немецкий композитор и пианист, учитель В. В. Стасова. На момент открытия Консерватории занимал пост Генерального инспектора царских воспитательных заведений для благородных девиц в Санкт-Петербурге. Впоследствии профессор Санкт-Петербургской консерватории по классу фортепиано (1887–1888).

этих манкировок, возражая: «Если у вас болит голова, вы должны быть рады, что она дает вам чувствовать, что она есть у вас на плечах». Результатом такого отношения к принятой на себя обязанности был быстрый расцвет консерватории. Если существует теперь в России музыкальное искусство, то этим мы исключительно обязаны Рубинштейну. Он, как титан, мощно двинул Россию по этому пути. Недовольный хором, состоявшим из великосветских дам, думавших более о туалетах, чем о музыке, он решил образовать хор из учащихся консерватории, на который мог бы полагаться дирижер.

По средам и субботам от 2 до 3½ был назначен хоровой класс, где должны были участвовать все ученики. Оказалось, что женский персонал сильно превышал мужской. Между тенорами я и Горшков были единственными настоящими голосами, остальные были «тенорята» с маленькими голосками. Между басами был только один настоящий — Чернявин, остальные, как мы называли их, «басенята». Однако ученический хор не помог делу, а потому решили брать хористов из русской оперы.

Уже после трех месяцев с основания консерватории Рубинштейну удалось образовать ученический концерт, в котором участвовали, между прочим, Чайковский на флейте, а я на литаврах. Было много комичных случаев, вследствие неопытности духовых. Особенно печалил всех офицер Алексеев, игравший на валторне, всегда путавший и не вступавший вовремя, объясняя свои ошибки сухостью своих губ.

Перехожу теперь к составу профессоров и преподавателей консерватории. Среди них немало интересных личностей.

Профессор теории Н. И. Заремба, еще будучи студентом Петербургского университета, в 40-х годах написал симфонию, которая и была исполнена с успехом Карлом Шубертом. Но он понял, что одним талантом многого не возьмешь, что ему не хватало знаний; и впоследствии, когда обстоятельства позволили ему, направился в Берлин к знаменитому Марксу, с которым и работал усердно. Он был приглашен Рубинштейном в консерваторию с первых же дней ее существования. Враги последней всячески нападали на него в печати. Но это была явная злонамеренность. Он читал лекции прекрасно, обладал даром слова и так умел заинтересовать слушателей, что они ревностно занимались у него. Благодаря Рубинштейну и Зарембе петербургская консерватория сразу стала на одну высоту с европейскими учреждениями подобного рода. Почти все нынешние музыкальные деятели были учениками Зарембы. Из них особенно выдались Альтани, Кросс, Ларош, Зике, Маренич, Губерт, Чайковский, Сафонов, Галлер и Соловьев.

В классе профессора пения Пиччиоли нас было всего только двое: Старцев и я. Урок продолжался два

часа, но учитель не позволял никогда петь нам более 10 минут, после чего мы отдыхали четверть часа и так как всегда требовал, чтобы мы не форсировали голоса, а давали тот звук, который нам дал Господь Бог, то наши занятия были легки. Я долго не мог понять его требования «опираться звук», чего он не мог сам объяснить, пока, наконец, раз как-то инстинктом, случайно не сделал того, что надо было. И в каком же восторге он был! Аплодировал, обнимал меня, тормошил, восклицая: «Слава Богу, Вы, наконец, нашли ту манеру пения, которую я хочу!». Старцев обладал хорошим баритоном, мило сочинял романсы и хоры, но был с ленцой и любил выпить, даже обильно, что ему сильно мешало в его занятиях.

Преподавателями элементарной теории и сольфеджио были К. Н. Лядов, капельмейстер Русской оперы, и О. И. Дютш. Лядов преподавал мужской половине учащихся. Руководства к сольфеджио у него не было, на уроках он писал на доске очень мелко и отчетливо каждый раз новое упражнение, которое исполнялось всем хором, потом по группам, затем в одиночку. Когда сольфеджио было таким образом исполнено безупречно, оно исполнялось хором под аккомпанемент фортепиано, причем аккомпанемент менялся, и так несколько раз. Лядов был прекрасный гармонист и контрапунктист. Несмотря на все свои способности, он долго оставался в неизвестности; случай выдвинул его. Император Николай, вернувшись из Берлина, пожелал исполнения оркестром вальса, написанного там для него. Он велел позвать А. Н. Лядова, балетного дирижера, и приказал во что бы то ни стало на следующем балу сыграть этот вальс, чтобы сделать сюрприз Императрице. На вопрос «Кто автор вальса, и есть ли ноты?» государь засмеялся и сказал: «Ну, имени автора я не знаю, и нот нет, а если хочешь, то мотив этого вальса я тебе просвищу». Лядов записал просвистанный государем вальс. Бал давался на следующий день. В отчаянии он бросился к своему брату, прося выручить его. К. Н. посмотрел мотив вальса и решил, что беспокоиться нечего. Вальс был исполнен на другой день, изящно оркестрован, и чрезвычайно всем понравился. Государь приказал выдать автору 100 рублей золотом. К. Н. был любим всеми, в особенности богатым купечеством, что и погубило его. Он заведовал музыкальными вечерами в Купеческом собрании, которые кончались всегда попойками. В это время Лядов был дирижером в Мариинском театре. Он очень любил меня, и мы часто из консерватории ездили в Оперу на репетиции.

Дютш приехал в Россию очень молодым. Здесь он, несмотря на свои способности, не сделал карьеры. Причиной этому был желчный и строптивый характер: он ни с кем не уживался. Постоянные неудачи, неудовлетворенное самолюбие сделали его болезненным и раздражительным. Из его детей выдался своими способностями один только Георгий, рано скончавшийся.

В конце сезона композитору «Кроатки»¹⁰ стало так плохо, что он уехал за границу, где вскоре и умер.

Генрих Венявский был удивительный виртуоз. Сколько я не слышал скрипачей, ни один не увлекал меня так, как он, и не одного меня, но и всю публику. Достаточно было сделать ему крошечную прелюдию на своем инструменте, чтобы весь театр замирал. Он играл со страстью, горячо. Тон его был полон, звучен и абсолютно чист; техника блестяща, как у Паганини. Его стаккато, двойной триллер, а также чистота флажолета изумляли. Приглашенный солистом Его Величества на место Вьетана он сделался общим любимцем. В консерватории Венявский оставался до 1866 года. Однако особенно хороших учеников он не дал. Из числа лучших назову Пушилова, Панова, Салина, Баранецкого, Краснокутского, Снеткова, Чуприна-Нагорного. Венявский был веселым, остроумным собеседником и желанным гостем в каждом обществе.

Лешетицкий, ученик знаменитого венского педагога Карла Черни, нервный и подвижный, был одним из украшений консерватории. Отличительные черты его игры — блеск, энергия и эффектность. За уроками горяч и вспыльчив. Если ученику не доставало ритмического чувства, он гнал его из класса, говоря: «Вы играете как извозчик», но зато восторгался талантами. Он не любил, чтобы посторонние заглядывали в его класс, несмотря на разрешение даже Рубинштейна. Под его руководством прошло более 100 учеников и учениц, между которыми особенно выдались Есипова, Малоземова, Карпович, Щетинина, Бенуа, Истомина, Карабанова, Фан-Арк, Задлер, Мороз-Ходоровский, Пухальский, Климов. Каждую неделю дважды ученики собирались у него провести время по-семейному. Радужное гостеприимство и ласковое обращение сближало его с учениками. На этих вечерах просматривались новости фортепианной литературы и лучшие из них откладывались для исполнения на вечерах консерватории.

Антон Герке был отличным пианистом с прекрасным туше. Все любители музыки Петербурга 40-х и 50-х годов считали долгом брать у него уроки. Он был в высшей степени деликатен и ровен в общении; оттого исполнение его учеников было всегда уверенное. Из них назову Бегрова, Рыбасова, Константинович, Еремееву, Спасскую.

Четвертое фортепианное светило консерватории — Дрейшок — пользовался европейским именем. Правая и левая руки были у него одинаково развиты, левая даже первенствовала. До 20-летнего возраста он был заурядным пианистом, но когда услышал в Вене Тальберга, то дал себе слово превзойти его. Уединившись в деревню, он играл по 9–11 часов в сутки и после трехгодичной такой работы, выступив в Праге, вызвал фурор, в особенности пьесами для одной левой руки. По-моему, игра его была суха, в исполнении мало теплоты, зато техника поражала легкостью, в особенности пассажами в октавах. С учениками любезен и делика-

тен. Его сочинения не блистали новизной, но все написаны очень удобно для фортепиано. Из его учеников выдались Рейхардт, Еленковский, Фосс, Попова, Эгардт. Особенно талантлив был Еленковский, но через два года своего учения он бросил консерваторию и исчез неизвестно куда. Дрейшок недолго оставался в Петербурге и на третий год своего пребывания получил воспаление легких, уехал в Италию, где и скончался в 1869 году.

Ниссен-Саломан, пользовавшаяся европейской известностью, была приглашена Рубинштейном в Петербург. В течение 19 лет педагогической деятельности трудами Ниссен образовались: Лавровская, Крутикова, Рааб, Каменская, Бичурина, Левицкая, Полякова-Хвостова, Ирецкая, Цвайцигер, Вильде, Милорадович, Фострем, Харитоновна, Палечек, Петерсен, Панаева, Джунковская, Махвиц, Фосс. В Париже из учениц Ниссен пользовались любовью публики Жозефина Решке, Калаш и С. Белоха; в Лондоне — Лидо-Августинович. Во время Азанчевского Ниссен на некоторое время должна была оставить консерваторию, но при Давыдове снова была приглашена. Она была строга, настойчива, от учениц требовала точного исполнения всего того, что она задавала, была вспыльчива и, не стесняясь в выражениях, часто доводила учениц до слез. Она была хорошо образована музыкально. Ее ученицы пели Баха, Генделя, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Мендельсона, Листа, Рубинштейна, Глинку, Даргомыжского и при том на тех языках, на которых писали эти авторы. Она любила выставлять своих учениц напоказ и производить ими эффект. На вечерах консерватории она заставляла их петь в унисон какой-нибудь этюд, что производило на публику громадное впечатление. С разрешения Рубинштейна я нередко посещал классы Ниссен, которая была ко мне очень благосклонна. Мои посещения не заставили ее быть более сдержанной с ученицами, посторонних она не стеснялась. Из несимпатичных сторон ее характера отмечу скупость, доходившую до скарденности, и пристрастие к драгоценностям.

Как-то в консерватории был получен диплом на звание Ниссен членом какой-то иностранной академии. Рубинштейн назначил депутацию, состоявшую из Венявского, его самого, Кологривова и меня, как представителя учеников консерватории. Было 15° мороза. Приехав к Ниссен, мы не застали ее дома; в квартире ее был такой холод, что мы мерзли, сидя в шубах. По предложению Венявского мы затопили собственноручно все печки. Кухарка объявила нам, что уже неделю не топят. За топкой печей застала нас Ниссен. Она раскричалась, расплакалась, но потом успокоилась, благодарилась за поздравление; чаю же нам все-таки не дала, отговариваясь болезнью кухарки.

Великая княгиня Елена Павловна в восторге от исполнения «Орфея» в ее дворце, где были так великолепны ее ученицы — Лавровская, Ирецкая и Клемм, —

¹⁰ «Кроатка, или Соперницы» — опера О. И. Дютша (1860, либр. Н. И. Куликова).

послала ей ящик серебра. На ящике было обозначение веса сервиза. Взвесивши его, Ниссен заметила, что вес неполный. Тогда она отправилась в магазин, где был куплен сервиз, и потребовала добавить недостающие, по ее мнению, вещи. Однако недостающих вещей Ниссен не получила. Великая княгиня, узнавши об этом, ужасно рассердилась.

У одной из ее учениц были прекрасные серьги, которые очень понравились ее профессору. Кончилось тем, что своими приставаниями Ниссен заставила ученицу предложить ей серьги. Чтобы заставить преподавателей посещать классы аккуратно, Рубинштейн назначил было штраф с них за каждый просроченный час. Два года прошло со времени введения штрафов. Никто против них не возражал и, в случае опаздывания, вносил деньги без разговоров. Не так было с Ниссен. Никаких штрафов она не признавала. Какие вопли и слезы раздавались по всей консерватории, когда казначей при выдаче ей жалования вздумал удержать с нее шесть рублей за два урока! Чтобы успокоить ее расхолодившиеся нервы, Рубинштейн уничтожил штрафы. Посетители ее музыкальных утр, которые она устраивала приблизительно всякое воскресенье, утверждали, что на них подается к чаю бутфорское печенье. Никто не решался брать его, и оно появлялось на следующий раз. Чтобы доказать это, Венявский побился однажды об заклад с Опочининым, неизбежным посетителем утр Ниссен, и на одном пирожке сделал соответствующую пометку — и выиграл. Когда Опочинин при общем хохоте присутствующих платил проигрыш Венявскому, подошла Ниссен, чтобы узнать о причине веселья. Ниссен сколько не смущаясь, Венявский сообщил ей, какого

рода пари он выиграл. Ниссен даже не сконфузилась, а только заметила: «Как это вам не надоест вечно шутить и устраивать балаганные фарсы!».

Игнатий Каспарович Воячек принадлежал к числу редко образованных музыкантов того времени. Кончив гимназию в Брюнне¹¹ (в Моравии), он поступил в венский университет на философский факультет. Занятия в университете не помешали ему продолжать собирать народные песни, легенды и танцы, что он делал и раньше. В 1857 году он попал в Россию, был некоторое время полковым капельмейстером, затем поступил фаготистом в оркестр императорских театров и потом органистом в итальянскую оперу. После смерти О. И. Дютша на его место пригласили в консерваторию Воячека, как отличного музыканта и хорошего теоретика. Его педагогическая деятельность принесла несомненную пользу учащейся молодежи. Редкая скромность всегда отличала этого почтенного человека и не позволила ему сделать ту карьеру, на которую он мог бы рассчитывать. Им написано несколько опер, которые он даже не представлял на рассмотрение оперного комитета, хорошо зная царствовавшие там порядки.

Из числа деревянных инструментов назову Каваллини¹², кларнетиста в Итальянской опере. Какое удовольствие было его слушать! Он по праву славился прекрасным тоном, трудностей для него не существовало. Пассажи, триллеры и всевозможные украшения выходили у него плавно и красиво.

*Публикация А. Б. Павлова-Арбенина
Подготовка к печати А. Б. Павлова-Арбенина и М. В. Рудко
Вступительная статья и комментарии М. В. Рудко
(продолжение следует)*

Литература

1. Воспоминания о первых годах Петербургской консерватории // Новое время. 1912. № 12985, 12997, 13012, 13019, 13033, 13075, 13096, 13103, 13110, 13124.
2. М. И. [Иванов М.М.]. Вступительная статья к «Воспоминаниям о первых годах Петербургской консерватории // Новое время. 1912. № 12985.
3. Н. А. Римский-Корсаков. Воспоминания В. В. Ястребцева / под ред. А. В. Оссовского; предисл. М. Янковского. Т. I: 1886–1897. Л.: Музгиз, 1959.
4. Н. А. Римский-Корсаков. Воспоминания В. В. Ястребцева / под ред. А. В. Оссовского. Т. II: 1898–1908. Л.: Музгиз, 1960.
5. Цветкова А. Н., Попова И. С., Зайцева Т. А. Рубец Александр Иванович // Энциклопедический словарь Санкт-Петербургской консерватории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.conservatory.ru/esweb/rubec-aleksandr-ivanovich-1837-1913> (дата обращения: 02.02.22).

¹¹ Брно.

¹² Эрнесто Каваллини (1807–1874) — итальянский кларнетист, композитор, педагог. Профессор Санкт-Петербургской консерватории с 1862 по 1868 гг.

- БОЛДЫРЕВ Антон Александрович** — пианист, лауреат международного конкурса «И. С. Бах» в Саарбрюккене (Германия, 1995), доцент кафедры общего курса и методики преподавания фортепиано, член Правления Союза концертных деятелей Санкт-Петербурга. E-mail: bolanton@yandex.ru
- КИРИЛЛОВА Анна Игоревна** — филолог, выпускница Санкт-Петербургского государственного университета, редактор в образовательном проекте «Правое полушарие Интроверта». E-mail: annaingvar@yandex.ru
- КИСЕЛЁВА Галина Ивановна** — Заслуженная артистка России, профессор кафедры сольного пения Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: galivkis@mail.ru
- ЛАУЛ Петр Рейнович** — пианист, доцент кафедры специального фортепиано Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: laul@mail.ru
- ЛЮДЬКО Мария Германовна** — Заслуженная артистка России, профессор, декан вокально-режиссерского факультета Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, кандидат искусствоведения. E-mail: lyudko.maria@gmail.com
- МИХЕЕВА Марина Владимировна** — ведущий специалист по издательской деятельности Редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, главный редактор журнала «Musicus», член Союза композиторов Санкт-Петербурга, кандидат искусствоведения. E-mail: edition@conservatory.ru
- ПАВЛОВ-АРБЕНИН Андрей Борисович** — научный сотрудник и артист Государственной академической капеллы Санкт-Петербурга.
- ПЕТРОВ Евгений Викторович** — композитор, доцент кафедры оркестровки и общего курса композиции Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, член Правления Союза композиторов Санкт-Петербурга, художественный руководитель Международного музыкального фестиваля «Земля детей», лауреат всероссийских конкурсов. E-mail: petrov.mus@mail.ru
- РАЙСКИН Иосиф Генрихович** — главный редактор газеты «Мариинский театр», председатель секции критики и музыкознания Союза композиторов Санкт-Петербурга. E-mail: eiraiskin@mail.ru
- РУДКО Мария Владимировна** — кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры истории зарубежной музыки Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: marybelll@yandex.ru
- СЕРЕБРЕННИКОВ Максим Анатольевич** — музыковед, кандидат искусствоведения, главный редактор Редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, преподаватель музыкально-теоретических дисциплин Санкт-Петербургского музыкального училища им. Н. А. Римского-Корсакова. E-mail: max.sereb@mail.ru
- BOLDYREV Anton** — pianist, Laureate of I. S. Bach International competition in Saarbrücken (Germany, 1995), Associate professor at the Department of Teaching methods and General piano course of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, member of the Board of the St. Petersburg Union of Concert Performers. E-mail: bolanton@yandex.ru
- KIRILLOVA Anna** — philologist, postgraduate of St. Petersburg State University, editor in Art For Introvert. E-mail: annaingvar@yandex.ru
- KISELEVA Galina** — Honored Artist of the Russian Federation, professor of Academic Solo Singing Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. E-mail: galivkis@mail.ru
- LAUL Peter** — pianist, Associate professor at the Piano Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. E-mail: laul@mail.ru
- LYUDKO Maria** — PhD, Honored Artist of the Russian Federation, professor, Dean of Vocal Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. E-mail: lyudko.maria@gmail.com
- MIKHEEVA Marina** — PhD, Leading Specialist in Publishing of the Editorial and Publishing Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Editor-in-Chief of the Musicus journal, member of the St. Petersburg Composers' Union. E-mail: edition@conservatory.ru
- PAVLOV-ARBENIN Andrey** — Researcher and Artist of the Saint Petersburg State Academic Capella.
- PETROV Evgeny** — composer, Associate professor of the Department of Orchestration and General Course of Composition of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, member of the Board of the St. Petersburg Composers' Union, artistic director of the International Music Festival «Earth of Children» and laureate of laureate of all-Russian competitions. E-mail: petrov.mus@mail.ru
- RAISKIN Iosif** — Editor-in-Chief of the newspaper «Mariinsky Theatre», chairman of the section of criticism and musicology of the St. Petersburg Composers' Union. E-mail: eiraiskin@mail.ru
- RUDKO Maria** — PhD, Senior Lecturer of the Department of History of Foreign Music of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory. E-mail: marybelll@yandex.ru
- SEREBRENNIKOV Maxim** — PhD, musicologist, Chief editor of the Editorial and Publishing Department of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Lecturer of the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov College of Music. E-mail: max.sereb@mail.ru